

Баир Жамбалов

Оружие холода

16+

Баир Владимирович Жамбалов

Оружие холода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48728530

SelfPub; 2019

Аннотация

В сборнике рассказов под названием "Оружие холода" читатель вместе с героем почувствует экстремальную смертельную опасность для жизни, когда находишься под одной крышей хостела посреди бандитов, когда жизнь, как по лезвию бритвы; также читатель соприкоснётся с непознанными, таинственными явлениями бытия, и также представит высочайшие научно-технические, технологические достижения инопланетного разума.

Глазомер

Никогда не бахвалься внешней силой, не зная, кто перед тобой. Может, он в обличье скромности скрыл суть истинного монстра отважным духом воина.

Электричка. Мир электрички. Свой особый мир электрички. Люди разных судеб и профессий, характеров и темпераментов, уровней ума и знаний, склонностей к чему-либо и устремлений, интересов и мечтаний оказываются в едином пространстве и в едином направлении. Их связывает теперь одно – они едут. Кто на работу, кто на учёбу, кто по своим делам, а кто и просто так. Но они все едут, и электричка доставит их к месту назначения, устремления, а кого-то и просто так прокатит.

Чаще всего мир электрички обыден и, наверное, скучен. В большинстве случаев молчаливые, сосредоточенные, задумчивые лица. Конечно, кое-где оживлённые разговоры, и даже спор, шумная компания, игра в карты, потягивание пивка, а иногда и более крепкого. Всё это вместе и есть обыденный мир электрички и, наверное, скучный мир электрички. Хотя, кому как. С возрастом хочется именно этого в этом замкнутом пространстве электрички. Но всегда ли бывает так?

О, нет! Мир электрички порой украшали яркие собы-

тия, и даже очень. Временное хрональное поле пространства электрички помнит многое, очень многое, хранит информацию прошлого. И есть что помнить, и есть что хранить.

Однажды в одном вагоне в рукопашную сошлись ребята из двух посёлков. Примерно двадцать на двадцать, если не больше. В основном все допризывного возраста. И это в тесном пространстве вагона. И такое бывает. Деревянные сиденья так и трещали. Дискомфорт для остальной части пассажиров был огромен. Но всё это уже история, переросшая в легенду.

А вот другой случай. Пьяные мужики громко и эмоционально дискутировали в тамбуре на какую-то им понятную тему. Сколько их было? Несколько – это точно. Дискуссия протекала очень оживлённо, порой напоминая жаркие дебаты в Государственной Думе, с применением не только умных доводов, но и первобытных средств общения. Только пьяные мужики не понимали одного, что эта интересная дискуссия почему-то не интересна всей остальной части, скучно и задумчиво сидящей в вагоне. И вот на какой-то станции электричка сделала пятиминутную остановку, а может и больше. Такое бывает. Двери открылись и продолжали оставаться такими же до отхода. И вот тут-то произошло очередное неординарное событие во временном хрональном поле. В тамбур вошёл здоровенный милиционер. Он брал каждого, в отдельности, в охапку и бросал наружу. Они вылетали и приземлялись на асфальтированную платформу. Чувствовали ли они

боль? Те, кто всё-таки вставал, почему-то обратно в вагон, в тамбур не стремились. Тем временем электричка, закрыв свои двери, устремилась дальше по расписанию. А стоило ли так поступать служителю закона? Или это была проверка своих физических и функциональных возможностей, которую иногда так любят продемонстрировать они, люди в форме? По крайней мере, эти пьяные мужики, в общем-то, людям зла не несли. Просто была интересная для них дискуссия, понятная только им.

Бывало, по вагонам ходили инвалиды, полуинвалиды и мастера, ловко прикидывающиеся ими. И тогда пространство заполняли лирические песни о весне, о любви, о несбыточных мечтах, сирени, набирающей цвет, дожде, в отблесках сияющей радуги, о цветах полевых, тянущихся к солнцу и радующих глаз. Но бывало, весь этот лирический букет порой разбавляли патриотическими песнями. Они должны были разбудить людей. Мол, помните, какие события предшествовали этому спокойному, мерному течению времени мира электрички. И кто-то подавал им, а кто-то просто читал газету, не замечая их, или тем самым делая такой вид. У каждого своё отношение к такому событию. Говорили, что они, таким образом, зарабатывают, если можно так выразиться, намного больше простого инженера.

И цыгане, особенно летом, также вносили свою лепту для разнообразия скучного мира электрички. Кто-то смеясь, а кто-то с серьёзным, озабоченным видом ретировался в со-

седний вагон, ибо шум и веселье от них исходили неимоверные. Кому как.

И я в годы буйной молодости также не раз вносил свою лепту для "украшения" истории мира электрички. Групповая драка пять на пять, которая перекидывалась из тамбура в вагон и обратно, надолго запомнилась временным обитателям этого мира. Так вот я и был одним из участников того запоминающегося события. А драка, где я был один против двоих, тоже, наверное, запомнилась. Я вышел тогда победителем, защитив одного парня. Конечно, со временем и она забылась, но временное хрональное поле хранит и её.

А когда электричка, чуть не дотянув до конечной остановки, до вокзала нашего города (а это тоже бывает иногда), вдруг останавливалась на неизвестное время, мы, студенты, выходили в тамбур и ногой открывали дверь. Один всегда придерживал её, а тем временем мы покидали этот мир электрички.

Однажды, на моих глазах, один мужик обеими руками раздвинул двери и быстро, сноровисто, вышел, успев, пока двери не захлопнулись обратно. Видать, силачей везде хватает.

А был и ещё случай. Электричка также остановилась, не доехав до конечной остановки. Двери, понятно, не открываются. Стояло лето. Жара. Многие верхние окна вагонов открыты. Тут встал один мужик, далеко не юноша, в зрелом возрасте, в футболке, в спортивных брюках, стройный, атле-

тичный. Подошёл к окну. Дальше случилось то, чего я никогда прежде и позже не видел. Этот человек схватился за верхний край окна, подтянулся, немыслимо сложился и выпрыгнул наружу. Аккуратно приземлился, хотя высота больше двух метров, и не спеша направился в направлении только известном ему. Вагон в тот день был полупустой. Кто-то читал, кто-то дремал. Само же действие произошло так быстро, что никто толком и не понял. Только я долго и восхищённо смотрел этому человеку вслед. Что это? Просто владение телом на высшем уровне. Возможно, в прошлом он был хорошим гимнастом или акробатом. И ещё по прошествии стольких лет, может быть, я немного горжусь, что этот, по-своему, уникальный случай произошёл именно в электричке, в котором я ездил, езжу и буду ездить, а не в какой-нибудь другой электричке на всей территории огромной страны.

Конечно, такой случай врежется в память, но произошёл он внезапно и завершился мгновенно. И всё же я думаю, что любой мастер спортивной гимнастики и акробатики, а то и видов борьбы и единоборств совершит то же самое.

Но также врезался в мою память и другой случай. По сравнению с этим он не возник внезапно. И всё же по порядку, с самого начала.

Март. Вечерняя электричка, хотя это относительно. Для ближних станций от города может и не так, но для дальних точно. А электричка тогда шла от города. Будничный день. Середина недели. Вагоны не переполнены. Обычный, мер-

ный, будничный мир электрички. И я окунулся в этот мир. А с собой ни газеты, ни MP3 Digitel audio player. Так я и сидел в ожидании того момента, когда покину этот мир на своей станции.

Напротив, через проход, сидела девушка у окна. Рядом с ней расположилась полная пожилая женщина. И также напротив неё сидели два здоровых молодца. Юноша, сидящий у окна, с азартом флиртовал с этой девушкой напротив. Другой юноша рядом, по большей части, молчал, изредка обмениваясь двумя, тремя фразами с товарищем. Тот же был увлечён новым знакомством и, быстро ответив, продолжал дальше. Невольно я обратил внимание на них и прислушался. А что поделаешь, ведь разговаривали они не так сильно громко, но слышно. Электричка тем временем несётся и несётся, доставляя каждого из нас к месту назначения, а мир её так обычен и скучен.

Молчаливый был не таким уж интересным и запоминаемым для какого-нибудь стороннего наблюдателя. Зато тот у окна... О-о! Красавчик, да и только. Короткая подстрижка. Чёрная кожаная кепка набекрень. Весёлые, озорные глаза. Одна улыбка чего стоит, а он улыбался всё время. Оригинальность, да и только. По одежде и манерам он явно входил в авангард молодёжной моды своей эпохи. В руке у него брелок так и играл на лету. Признак высоты полёта души. Как и есть. Ну, в общем, парень хоть куда, только уж сильно много косил под блатного. Так ли было на самом деле? Откуда

знать.

А девушка напротив эффектностью внешнего оформления ни в чём не уступала своему визави. Красотой она всё-таки блистала. На это-то обратил бы внимание, думаю, любой представитель противоположного пола. Тогда что уж говорить об этом «красавчике», сияющем в ореоле своей неповторимой улыбки и красноречия. Волосы её были не столь длинны, но и не коротки, и распущены, что придавали ещё больший колорит и так кричащей эффектности. И улыбка её, и глаза с лукавыми огоньками озорства просто таки обогащали чарующий образ. А «красавчик» и вовсе пожирал своими глазами этот, словно упавший с неба, объект вожделения. Достойная пара в этом скучном мире электрички.

Разговор между ними шёл, в общем-то, ни о чём. Да и о чём им было говорить. Какая там политика, спорт, искусство и так далее. Их и близко не было, и не могло быть на этом игровом поле заливистого разговора.

– Мне нравятся такие девушки, – нараспев произносил он этот комплимент тоном такой слащавости, что придавало этим словам и значению особый шик.

При этом сидел он, вальяжно развалившись, искусно играя пальцами этим же брелком. Ого. Какая игра! Так и было. От вида его исходила крепкая уверенность в себе, и даже самоуверенность в тесном переплетении с наглостью. Он испытывал явную симпатию к самому себе и, конечно, эти же чувства должна была полностью разделить вот эта девушка

напротив.

– Я сама себе нравлюсь, – красивым по тональности, но полным кокетства, голосом отвечала девушка.

Возможно, в этом плане она была под стать своему визави, но, всё же, в плане нравственной чистоты она превосходила своего, то ли оппонента, то ли наоборот. А красавчик ежеминутно менял позу; то сидел весь развалившись, то наклонялся вперёд к ней, умудряясь при этом ладонью удостоить чести её колено, то и вовсе извивался непонятно как, а красноречие журчанием лилось, как шумно широкая проточная канава. Пожилой, полной женщине, судя по лицу её, не нравилось всё это, но что поделаешь, все мы – временные посетители этого мира электрички.

– А может, снимем номер. Администратор там – мой кент. – продолжал тем временем красавчик, называя один из самых фешенебельных отелей города и, конечно, стараясь упоминанием его произвести, как можно больший эффект на собеседницу.

– И какую программу предложишь? – с такой же озорной улыбкой отвечала она.

– Вечером казино, ночной клуб, ресторан, а дальше сама понимаешь. Программка будет о-кей! – подмигивая и прищуриваясь, пояснял ей красавчик, особенно делая певучую, невероятно выразительную интонацию на последнем слове.

А полная женщина хмурилась про себя, терпела. Уж своему внуку или внучке задала бы за такое. Но терпеть при-

шлось недолго. Электричка плавно подкатила к какой-то станции, где она, кряхтя, но всё же, с удовлетворением покинула это надоевшее ей пространство.

Вместо неё её место занял какой-то мужичок. Такой невзрачный, что я и не уделил ему какого-то внимания. Полно таких. А мужичку этому, похоже, было наплевать, о чём разговаривает молодёжь, да и всё остальное в этом временном мире. Уткнулся себе под нос и задумался о чём-то.

А разговор молодёжи набирал высоту. Красавчик был весь в упоении, переходящем в экстаз. На вершину блаженства в этом мире электрички на данный момент никто не взбирался. Ему захотелось сесть рядом с ней, обнять её и поднять игровое поле заливистого разговора ещё на уровень выше. Все карты в руки и сама фортуна, улыбаясь, распахивает двери и, подобно угодливому швейцару, низко кланяясь, приглашает войти в ослепительный дворец утех и грёз. Да, она ведь тоже вошла во вкус этого игрового поля. Что помешает ему? А, а, а... Разве что, этот оборванный мужичок, недавно вошедший на станции, сидит рядом с ней, весь съёжившийся. Наверное, согреться ещё не может. Март. Лета надо ещё ждать. Ну, ничего. Это не проблема. Махом выставит мужичка с этого места. Улетит напропалую.

– Эй, линияй-ка с этого места, – обратился красавчик брезгливо к невзрачному мужичку, при этом его упоительно блаженная морда в данный миг приобрела угрожающий вид. Какая быстрая метаморфоза?!

Вот тут-то я, наконец, обратил внимание на этого мужичка. Мужичок, как мужичок. Даже какой-то щупленький что ли. Одет скромно, но чисто, опрятно. Тёмная куртка по сезону, чёрные ботинки, чёрные брюки, чёрная шапочка спортивная. Ничего выделяющегося. Пройдёт в толпе, и никто не заметит человечка.

– Глухой что ли? Повторить тебе? – уже приказным тоном вопрошал красавчик, преобразившийся в грозу всего пространства.

Ну, конечно же, об этом я должен был сразу догадаться. Древняя, как мир, привычка мужчины прихвастнуть перед женщиной своей мужской статностью физической. И доблестью тоже. Конечно, и ещё раз конечно. А тут ещё такой случай удобно подвернулся. Уж на этом-то заморыше можно оторваться. Ещё как! К тому же не молодой. А что возраст? Плевал он на это.

Я посмотрел на обоих сразу. Красавчик, вдвое мощнее габаритом этого неказистого мужичка, теперь коршуном смотрит на него, как на воробья.

"Ну и попал мужичок. Если что, придётся как-то увести его подальше от греха, от этого места. Красавчика как-нибудь уговорю. Мол, не дело старых трогать. А, вообще-то, кто его знает. Но если против меня погонит пургу, то, пожалуй, и...» – мигом пронеслись такие мысли в моей голове.

Внезапно по спине пробежался холодок. Но усилием воли подмял его. И вот тогда и стала накатывать волна за вол-

ной вот это самое чувство, предшествующее событию экстремальности, где на высоту будет поставлен весь арсенал боевых навыков, виртуозной подвижности тела, но, прежде всего, высоты оптимального боевого состояния, идущее от духа. Воинственное чувство. А то, что товарищ этого красавчика – здоровенный бугай, плевать. Приходилось одному против двоих, когда защитил одного совсем зелёного парнишку. Поможет опыт улицы, в данном случае опыт тамбура электрички. Потому что это тоже из истории, из этого хронального поля.

А событие набирало оборот. «Красавчик» придавал ему ускорение.

А мужичок как сидел, уткнувшись под нос, так и сидел. Как съёжился с самого начала, так и не ушёл от такого невзрачного состояния. Совсем не товарный вид. Никак не преподнесёт себя в надлежащем виде. Был бы он более солидным и видом, и одеждой, то, вероятно, «красавчик» не повёл бы так себя, не расходился бы за пределы допустимого. А одежда на мужичке – не лохмотья, но уж больно скромна на обозрение. Как, видать, и сам обладатель. Может, он и впрямь глухой. И бровью не поведёт, и мускулы не шелохнутся.

– С тобой по-другому базарить, – «красавчик», весь преисполненный злобы и кипевшей энергии, в нетерпении пнул его в колено.

Тогда мужичок, как будто бы, отошёл от своих дум и

взглянул на этого парня в зените расцвета сил. И, кажется, какая-то просьба, мольба слабой надеждой засветились в его невзрачных глазах.

– Я ведь никому не мешаю, и вам не мешаю, – ответил он, как показалось, голосом заискивающим и умоляющим.

Такое у любого может вызвать брезгливость. «Да встал бы и ушёл бы отсюда от глаз подальше, чем так...» – уже с негодованием подумал я и так же посмотрел на этого съёжившегося мужичка.

Один ли я так посмотрел? Если свидетелями игрового поля вот такого разговора молодых могли быть несколько человек, то за разыгрывающейся в данный момент сценой, готовую перерасти в какую-нибудь драму, трагедию, наблюдали теперь, примерно полвагона. И, возможно, многие из них разделяли со мной чувства и негодования, и брезгливости, и жалости к этому незадачливому, тихому мужичку. А тогда какие же чувства полыхали вот у этого парня на взлёте молодых возможностей, дарованных от природы, вот такого затейника игривистого поля? Он так и показывал силу в этом замкнутом пространстве вагона электрички. А что можно испытывать к сильному?

Ненароком я взглянул на девушку. Всё-таки моё мнение о чистоте нравственной её души подтверждалось. В глазах её открыто читались жалость и сострадание к этому человечку, её готовность хоть как-то помочь ему. А что делал полвагона, не считая меня, принявшего стартовое состояние вулка-

ном воинственных устремлений? Безучастно, прикрывшись непробиваемым панцирем равнодушия, остальные сидели и молчали. Просыпалась ли совесть в них или она стыдливо пряталась в самых далёких закоулках души. Я видел и это, и потому брезгливость перекинулась и к ним.

А «красавчик» находился на вершине. По крайней мере, в этом замкнутом пространстве он чувствовал себя королём. Он может всё и будет всё по его велению. Он так хочет. Но знает ли он, что через секунды я сдвину его с трона. Хотя, как знать. Их двое. На этого мужика захудалого я и не считывал.

Где-то что-то щёлкнуло. Я сидел поблизости и услышал это, потому что я был взвинчен духом и потому внимателен, что слух и мог уловить всякий звук. Вряд ли остальные слышали это. Но вот что за звук, так и не разумею.

Мужичок, странное дело, выпрямился. "О-о, не всё человеческое утерять этот человек. Хотя есть какая-то капля", — мгновенно посетила меня вот эта мысль, дающая надежду, что, возможно, не один я буду против двоих. Все ли заметили эту едва уловимую метаморфозу? Но кто сидел рядом, наверное. Тень, возможно, любопытства пала и на «красавчика». На миг прервался.

А, может, сцена действия предполагает...

В данном течении времени невзрачный мужичок держал правую руку в кармане. Я заметил это, но мысль ещё не сформировалась. А дальше...

Одномоментное движение, как молния! Взметнулась рука из кармана. Словно камень, выпущенный из пращи. И также молнией отразился свет клинка от вечерних ламп. Одномоментное движение, как молния! И застыло остриё клинка в миллиметре от глаза. От зрачка глаза. «Красавчик» невольно, инстинктивно подался назад, к спинке сидения, клинок последовал за ним и застыл на том же расстоянии. Затем сократил и это расстояние. Холодный, острый клинок коснулся зрачка. Вздогнули невольно веки. Вдох изумления прокатился по вагону. Изумлению имело место быть.

А сцена действия в этот момент застыла. Онемевший от неожиданности «красавчик». Да и его товарищ тоже. И девушка тоже, и все остальные тоже. Главный виновник такого состояния – мужик, про которого теперь не скажешь, что невзрачный мужичок, с вытянутой вперёд рукой, которую довершал нож, острый клинок.

А про нож можно сказать особо. Он представлял собой настоящее произведение искусства. Ручной отделки – это точно. Узор, несущий смысл неизвестно чего. Остриё чуть выгнуто. На верхней, тупой стороне крюк. Само лезвие, как бритва. Ну, точно нож диверсанта, десантника, морского пехотинца или ещё кого-то из этой плеяды. А может, из мест не столь отдалённых. Кто знает, кто знает. Скорее нож откидной, про это я догадался. Где-то что-то щёлкнуло. В кармане. Вот откуда был тот странный звук. Но и это не всё.

Выпад руки, как выпад фехтовальщика, был стремителен.

Как молния! Но как остановить клинок у глаза?

Товарищ «красавчика» шевельнулся.

– Сидеть, – не тихо, но не громко, раздался голос, преисполненный холодом металла, заставивший содрогнуться не только того, к кому он обращался, но и многих остальных.

Монстр звука! И установилась в вагоне полная тишина. Никто не читал газету, не гадал кроссворд, и даже музыка на MP3 Digitel audio player была оставлена в сторону. Не каждый день бывает такое состояние ауры пространства.

Как всё относительно в мире этом! Радость и тоска, богатство и нищета, счастье и несчастье, благополучие и мыкание судьбы, верх положения и дно забвения. Как всё переменялось в этом замкнутом пространстве! Власть вмиг перешла от одного короля к другому. Теперь он, недавний невзрачный мужичок, отдавал приказ:

– Вспоминай свою жизнь, вспоминай до этого дня, до этого часа, до этой минуты. Мне хватит одной секунды – ослепить тебя на оба глаза. Вот эта секунда – самая важная, самая главная в твоей жизни. С ней ничто не сравнится. Она разделит твою жизнь пополам. Запоминай, думай, не забывай. Каждый человек достоин своего места под солнцем. Не мешай никому. Держись своего места. Будешь в эту секунду противиться моей воле, и будешь всю жизнь проклинать эту секунду, – холодный металл, вот этот монстр звука, режущий слух и бьющий по сердцу, пронизывал всё пространство, что некоторых да охватит паралич.

«Красавчик» сидел, кажется, неподвижно. Но это кажется. Дрожал каждый мускул, дрожала каждая клетка. Вот этот мужик, которого он хотел унижить всего лишь ради того, чтобы сидеть рядом с незнакомкой, чтобы выглядеть в её глазах таким орлом, в данный момент практически решал его судьбу. И он старался, обезумев от страха, благополучно пережить этот миг, эту секунду.

Не было ветра во всём пространстве вагона. А жаль. А то ветер справедливости загулял бы во всю, и многим освежил бы головы, и заставил бы по-иному посмотреть на этот мир. А может, так и было. Но для «красавчика» и не надо было ветра. Даже тихая рябь на ровной глади спокойной воды, тихий штиль, и этого хватит.

Не дрожала вытянутая рука, не дрожал клинок. А ведь прошла минута. Признак высшего мастерства! И два больших сухожилия у запястья кисти. Признак невероятной физической силы! И ровный металл голоса, не тихий, но и не громкий. Признак "внутренней" тренированности духа бойца! Достоинство совершенства и гармонии!

А затем пальцы сотворили с ножом нечто акробатическое, но филигранное, ювелирное по точности движение. Брелок, когда-то игравший в руке «красавчика», в этом плане отдыхает. Нож вращался, как вращается револьвер у ковбоя в лихом вестерне. А затем также филигранно исчез в кармане. Как не бывало.

Никогда не забудет «красавчик», обладатель «куриных

мозгов» да поганой души заодно вот этот короткий миг времени. Исторический миг в биографии. Обошлось. Теперь какое там игровое поле заливистого разговора. Скорей бы своя остановка. И подальше, как можно, подальше от этого места.

И дальше ехала электричка, и дальше катил по рельсам вагон. Мужик уткнулся себе под нос и задумался о чём-то. Никто и мысли не допустит, что он съёжился, что он щупленький. Достоинство совершенства и гармонии!

А всеобщая парализация только, только отпускала остальных. Ох, что за миг пережитый!

Но какую радость испытывал я за этого мужика?! Победило то, к чему и стремилась душа.

Улеглось событие, оставив лишь воспоминание. Кому как. Какое там игровое поле заливистого разговора. Девушка смотрела на него, на скромного сейчас соседа. Удивление присутствовало. Может, для неё открылась новая страница познания жизни? Как знать.

А мужик так и пребывал в прежней скромности, как и появился, уткнувшись себе под нос и задумавшись о чём-то. Он никуда не вторгнется. Он никому не мешает. Так и будет. Достоинство полное совершенства и гармонии! Вот она – суть истинного монстра бойцовского духа!

Плавнo подкатила электричка к какой-то станции. Спокойно и тихо вышел мужик из этого мира, унося с собой свою тайну.

Громко и весело болтали только, что вошедшие пассажи-

ры. Откуда им знать. Мир пространства электрички возвращался в обыденное русло.

А девушка встала и ушла в соседний вагон. Красавчик и не сожалел об этом.

И тронулась электричка, и покатил вагон.

* * *

Меч, зажатый в руке и выставленный вперёд, вибрирует. Так оно и должно быть. Закон природы. Закон физиологии. Но тогда самурай не готов к бою. Меч, зажатый в руке и выставленный вперёд, застыл, как гладкий лёд спокойного озера. Но закон природы, закон физиологии нарушен. Самурай готов к бою! Медитация. Психология «дзэн». Мобилизация организма. Сосредоточенность и раскованность. Оптимальное боевое состояние. Сверхъестественность. Психотроника. Достоинство совершенства и гармонии!

В школах Ба-гуа внутреннего направления ушу исполняют упражнения с чашками чая в обеих руках. Не прольётся ни капли. Таково правило. Утончённость и точность, идущие от округлого мозжечка головного мозга. Но не только. Дух и тело как тихая вода застывшего озера. Высшая тренировка. Естественность, порождающая сверхъестественность.

Руки ювелира феноменально обработали алмаз. Бриллиант – особая искусственная огранка, играющая всеми цветами радуги. Предметная ловкость.

Мастер часовых дел. Мастер хирургии. Точность движения. Тренировка мастерства. Мастерство тренировки.

«Суждение» в фехтовании – «yugement». Быстрота движения – быстрота результата. На вершине верный взгляд. Глазомер.

И сказала, и наставила Кришна искусного воина Арджуну : «Кто дела не начал, тот чужд совершенства».

Июнь 2008 г.

Весенняя ночь

Сумерки теснила чернота наступающей ночи. Пурга всё крепчала и крепчала. Пара лошадей, запряжённая в сани медленно, но верно продвигалась навстречу неистовому ветру. Их хозяева, два мужика, примостившись на санях, то и дело отворачивались от снега, гонимого ветром и залепляющего глаза, лицо. Пурга выла, и от этого холод старательно напоминал о себе.

– Скоро заездка, – проговорил один из них, как бы стараясь придать уверенности другому, то и дело озирающемуся на бескрайнюю степь.

– Жамбал, а мы на верном пути? – с сомнением спросил другой.

– На верном.

На верном ли, точно он не мог предположить. Был в этих

местах всего один раз. Больше доверялся своим лошадям. Всегда в пути они научились не сбиваться с неё. Пурга закружила и хлестала не только в лицо, но и в бок. И вот лошади, словно почуяв что-то, сами прибавили ход. «Значит скоро заезжка, ишь, как погнали», – подумал он и от этого душа стала наполняться радостью. Всегда так. Дорожные лошади всегда что-то чувствуют, и если заезжка, тогда без всякого кнута устремляются туда, ибо там всегда подадут сена, а в лучшем случае и овса. Так и на этот раз. В степи расположилась та самая заезжка. Издали они заметили огни. Когда-то сюда завезли много леса и построили большой дом. В безлесной степи такое редко увидишь. Две собаки дружным лаем встретили их. Пока распрягали лошадей, вышел невысокого роста человек, оказавшийся подростком. Видать, помогает хозяину. Он отвёл лошадей в стойло и пошёл за сеном. За заезжкой спрятался маленький домик хозяев, который не сразу заметишь в темноте.

После неистовой пурги в бескрайней степи окунуться в уютное тепло четырёх стен и крыши над головой, дело приятное для странника. Треск поленьев в печи только подкрепляло это чувство. Широкий деревянный стол без скатерти, керосиновая лампа посередине, длинные нары от стены до стены. За стойкой сам услужливый и приветливый хозяин.

Они оказались не первыми постояльцами этой гостеприимной заезжки. За столом скромно заняли свои места старичок (и в таком возрасте куда-то его понесло), женщина с дву-

мя детьми-подростками и мужик, лет около сорока. Мужик этот, дородный, слегка полноватый, одетый как-то не по-дорожному, быстро вскинул на них взгляд, а затем неспешно рассмотрел их немного надменным видом, и отвернувшись продолжать своё начатое дело. А дело было приятным – ужин. Скоро и перед ними стояли миски с жирным супом и кружкой чая. Что ещё надо дорожному человеку? Их огромные тени на стене, падавшие от керосиновой лампы, в точности повторяли их движения за ужином. Хозяин подбросил ещё дров, отчего треск поленьев в печи усилился, этим и без того добавив тепло. Приятно. Удобно. Уютно. Поужинать, прилечь и крепко уснуть на широких нарах до самого утра. Утром снова в путь. А суп оказался отменным. Зелёный чай с молоком только добавлял это. Никто ни с кем не разговаривал. Все наслаждались теплом и тишиной уютной заезжки, в преддверии наступающей безмятежной ночи.

В тишине долгожданного уюта Жамбалу послышался какой-то звук. Он шёл сквозь завывание пурги и был тихим, и походил на цокот копыт. Может, послышалось. Но, нет. Звук повторился. Отдалённый, от коней взявших галоп. Он стал понемногу нарастать. Слух уловил это. Цокот копыт как тихая дробь барабана. Что-то невероятно завораживающее было в этом звуке, как тихая, монотонная музыка, очаровывающая душу. На время, отложив столь приятное дело, все прислушались к нему. Завывание пурги и этот цокот копыт вместе создавали магическую музыку ночи в бескрайней степи.

Но вот она стала нарастать и приближаться. Закружила вокруг, обдавая ароматом волшебства. Ржание коней внесло в эту магию музыки вполне земное очертание. Ужин продолжался. Ещё кого-то застала пурга в дороге.

Они вошли тихо, без единого звука. Их тени громадным ростом отразились в стене. Пятеро мужиков, проворных в движении и всегда в седле, застыли, переступив порог. Выделялся среди них одноглазый. Правый глаз отсутствовал, и вместо него зияла пустота, которую он не закрывал повязкой, что придавало безобразность и к тому же страшный, грозный облик.

Глаза у дородного мужика забегали. Он перестал есть, тогда как остальные продолжали. «Хунхузы». – подумал Жамбал, не сомневаясь в этом. Ему доводилось слышать об одноглазом. Он никогда не бывал в этих краях. Одноглазый и его ребята орудовали далеко от этих мест. Тот ли?

Они молча уселись за стол. Подавал им один из них, молодой, совсем юноша. Видать, он находился на заре постижения этого ремесла, если назвать это ремеслом. За столом они не обронили ни слова. Тишина из уютной переходила в тишину угнетающую.

– Жамбал, куда путь держишь? – тихо, полушёпотом спросил один из них.

Он внутренне вздрогнул от неожиданности. Внимание этих пятерых, да и остальных мирных путников дороги, и даже хозяина заезжки обратилось на него. Взгляды их не по-

чувствовать нельзя.

— Дела сделал, домой еду, — ответил он также тихо.

— А-а-а, — протянул спросивший и продолжил ужин.

Сказал он правду. А что ещё? Как обратилось на него внимание, так и отвернулось. Кому какое дело, когда у всех свои дела. А парня этого он вспомнил. Никогда общих дел не вели. Так, просто, знали друг друга и всё. Не друзья, но и не враги. Таких знакомств у каждого полно.

После ужина стали укладываться спать. Пожилая женщина-мать с двумя детьми-подростками, старичок, мужик дородный, он и его напарник. Мужик этот дородный как-то стал не похож на себя самого. Немного тряся, непонятно отчего. Хотя чего тут понимать. Присутствие таких неожиданных гостей любого собьёт с толку и приведёт не в столь желанное душевное состояние. Перед тем как укладываться спать, он невольно встретился взглядом с этим одноглазым. Бездонный колодец чёрной воды в воплощении неистовой ярости и холодного зла отблеском отразился от тусклого света керосиновой лампы. Взгляд такой изгонял из души состояние равновесия и устроенности.

В углу, возле самой стены прилёг его напарник, он рядом, далее, ближе к свету и печи, старичок, мать посреди сыновей, и дородный мужик. Он успел заметить, как одноглазый, едва заметным кивком головы, указал ему, дородному мужику, его место, и тот послушно поплёлся туда, при этом ноги его, да и тело, казалось, слегка тряслись, как тихая рябь

спокойной воды. А может, и показалось.

Эти пятеро продолжали ужин и, странное дело, ни о чём не разговаривали. Видать понимали друг друга без слов, а говорить не о чём, всё переговорили. Хоть бы слово какое, а то тишина стала давить тяжёлым камнем. Чёрная аура вселилась в пространство этого дома, и проникала во все углы и щели. Наконец и хозяин заезжки с помощником, оставив путников, ушли в другой дом, до утра. Они же закончили вечернюю трапезу и просто сидели молча. Весёлый треск поленьев прекратился давно, да и печь закрыли задвижкой, и теперь она заполняла всё вокруг не то, что теплом, даже жаром. Какую бы радость доставлял он после пронизывающего ветра снежной пурги, если бы не эти.

Сон не шёл в голову, да и кому он шёл. Первым захрапел, притом громко, старичок. В другое время может быть он, и ткнул бы его в бок, но не сейчас. Может так оно и лучше. Наконец и они, потушив лампу, стали укладываться рядом с тем дородным мужиком. Долго не мог уснуть. За стенами вой пурги не прекращался. Тишина, и только храп старичка то усиливался, то затихал временами. Тем пятерым это ровным счётом ничего не значило. И вот во время очередного затишья слух его уловил частое дыхание того дородного мужика. Сосед-старичок повернулся на другой бок и захрапел, тем самым заглушив его. Наконец и он уснул.

Проснулся он неожиданно. На столе отливала ровным тусклым светом керосиновая лампа. Что ему снилось, не мог

вспомнить, да и ни к чему.

Происходило страшное. Происходило убийство. Любой кошмарный сон было бы кощунственно сравнивать с тем, что происходило на самом деле. Одноглазый стоял и смотрел. Четверо учиняли казнь. Трое держали за руки и ноги, четвёртый медленно, верёвкой душил того дородного мужика. Пытался ли он сопротивляться? Ноги, руки дёргались то ли сами по себе, то ли в надежде спасения. И ни единого звука, ни единого возгласа. Всё в тишине и молчании.

Закончилось. Сделав дело, те четверо молча улеглись рядом с трупом. Одноглазый присел возле стола и потушил лампу. Чёрная крошечная тьма добавилась к тишине. На широких нарах от стены к стене, между спящими и не спящими, покоился полный неподвижности труп. Как вынести это? А может, будет ещё?

Пурга затихала. Ночное небо прояснялось, ибо тучи уходя, давали простор свету холодной луны, который пробивался сквозь стёкла маленьких окон. Он как бы отражал страшный блеск единственного глаза того, сидящего за столом, и опёршегося на него локтем. То он обводил взглядом вокруг, то упирался в одну точку. Пространство четырёх, давно не побеленных стен, подпиравших довольно таки высокий потолок, целиком принадлежало ему.

Глаза привыкали к такой темноте, ибо она была теперь не такой крошечной благодаря лунному свету. Предметы приобретали своё очертание, и как бы являлись немymi свиде-

телями. Всё было зловеще, всё вокруг. Тишина и утихающий вой пурги добавляли это. Он старался дышать медленно и тихо, хотя сердце его бешено колотилось. Неужели эта тишина выдаст его стук. Напарник его не спал и весь дрожал, понимая данную ситуацию. Вот-вот вскрикнет. Он, молча, едва заметно сжал его руку, стараясь успокоить. Время ночи как бы остановилось. Тишина и аура пространства угнетающе давили всей своей тяжестью.

Одноглазый встал и стал медленно прохаживаться взад-вперёд, вдоль этих нар. Шаги его упругой походки, подобно тигриной, издавали едва различимый звук. Но и этого было достаточно, чтобы он зловеще раздавался в ушах. Тихий звук его шагов приблизился и остановился недалеко от него. Что на уме у одноглазого?

Он крепко стиснул рукоять бурят-монгольского ножа. Нет. Смирным бараном на заклятие он не будет. Будет драться на ножах. Насмерть. Это тот самый одноглазый, про которого ему доводилось слышать. Раньше в этих краях он не бывал. Что заставило его объявиться здесь? Эта месть за какие-то дела? Скорее так. И ради этой мести ему пришлось порыскать по разным краям, пока не догнал жертву здесь, в этой заезжке.

Одноглазый продолжал оставаться на этом месте как истукан, как каменное изваяние. Ни звука, ни дыхания, ни признаков чего-либо не исходило от него. И всё же он явственно чувствовал его. Сквозь полумрак ночи сверление взглядом

одного глаза. Сколько может это продолжаться? Вой пурги стих совсем. Даже старичок перестал храпеть. Тягучая тишина. Она давила со всех сторон. И этот взгляд усиливал тяжесть. Нет хуже ожидания худшего. Время зависло в данной черте пространства. Тягучее время. Тягучая тишина. Тягучий взгляд. Одинокая заездка в бескрайней степи.

Одноглазый рывком головы подозвал одного из своих. Да. Они понимали друг друга без слов. Тот подошёл. Это был его знакомый. Одноглазый кивнул в его сторону. Тот также согласно кивнул и двинулся к нему.

– Эй, Жамбал, здесь человека убили, – потряс он его за плечо.

– Чего разбудил, – ответил он, неожиданно для себя самого, твёрдым голосом.

– Здесь человека убили. Слышал? – повторил его знакомый.

– Не говори всякую ерунду. Иди спать, – сказал он, как отрезал, тем же твёрдым голосом, внутренне удивляясь этому нежданному всплеску души, и непринуждённо перевернулся на другой бок.

Его знакомый повернулся к одноглазому и молча пожал плечами, мол, этот Жамбал спал и ничего не видел, ничего не знает. Затем оба пошли по своим местам и улеглись на нары. Его напарник дрожал, и дрожь его была слышна ему. Для излишней осторожности он приложил палец к губам. Но и без этого его напарник понимал ситуацию застывшего вре-

мени.

Полумрак ночи продолжал оставаться полумраком ночи. Гнетущая тишина, кричащая во все уши, продолжала оставаться гнетущей тишиной. Но ведь есть, же, всему конец? Когда же он наступит? Пальцы Жамбала заоченели, сжимая рукоять бурят-монгольского ножа.

Но вот первые вестники наступающего рассвета проникли через окна, вступив в схватку с чернотой мрака. И та постепенно сдавала свои позиции. Бесшумные тени скользнули по стенам, и тихо скрипнула дверь. Они испарились, уведя с собой мрак ночи. И за стенами раздалась музыка барабанной дробы цокота копыт. Была ли она столь завораживающей как накануне, но душу успокаивала точно, ибо она удалялась, возвращая тишину. Тишину совсем другого свойства, тишину успокаивающую и ободряющую душу. Вот сейчас он и заметил, как заоченели пальцы. Освободив рукоять ножа, он приподнялся и осмотрелся вокруг. Труп взяли с собой. Вороны и грифы устроят пир в бескрайней степи. И был человек, и не было человека. На больших дорогах всякое случается. То они стремительно коротки, то утомительно долги, то приятны познанием незнакомых пейзажей, то страшны опасностью для самой жизни.

Они не остались даже на завтрак, когда хозяин принялся варить чай. Какой там завтрак. И мать с двумя детьми-подростками, и Жамбал с напарником поспешили быстрее покинуть это зловещее место, пропитанное смертью. Только

старик, временами так громко храпевший, уселся за стол в ожидании чая. Он, наверное, недоумевал про себя, почему все так спешно покидают эту «уютную» заезжку.

Восход искристого красного солнца ранней весны был прекрасен. Скоро начало таяния снегов. Лошади резво тащили сани. Надо скорее добраться до дома, иначе весенняя распутица. Жамбал и его напарник были веселы и счастливы. Они вдыхали морозный воздух ранней весны. В бескрайней степи две полосы следов на зернистом мартовском снегу становились длиннее и длиннее от того места, откуда они спешили удалиться, и уходили в даль за горизонт, смыкающуюся с небом. И чем длиннее эти следы, тем короче путь впереди, отделяющий их от дома. Они понимали, они осознали. Они впитали в себя суть прошедшей весенней ночи.

Двадцатый век только начинался.

* * *

В боевиках статные и ловкие герои лихо расправляются со всякого рода злодеями, во много раз в числе превосходящими их. Несколько дублей, иногда десятки дублей требуется для того, чтобы мы, зрители, с восторгом смотрели на битву добра и зла, и переживали. Тяжёлый труд режиссёра, актёров, каскадёров, но творческий труд. И творческая атмосфера!

В спокойном течении жизни порой предоставляется толь-

ко один дубль. Один дубль длиной в секунды, минуты, часы, в весеннюю ночь. Суметь талантливо сыграть и остаться в живых.

* * *

Моя мать рассказывала мне этот эпизод, эту ночь из жизни моего прадеда по отцовской линии. Она рассказывала и восхищалась его выдержкой, как он ответил. Его ответ повторяла слово в слово. Поведи себя не так в том неожиданном повороте жизни, родились бы мы на этот свет? Женился он поздно, и поздно родилась у него дочь, моя бабушка. Занимался он торговлей. Много раз ездил во Внутреннюю Монголию, в Китай. Это как челноки в наши дни. Моя бабушка по воле судьбы дала старшему сыну, моему отцу фамилию по его имени.

Прадеда репрессировали в тридцатых годах двадцатого века. Приходили люди, многие люди, делали передачу, поддерживали. И это тоже мне рассказывала моя мать, жена его внука, моего отца.

* * *

Травы, деревья, птицы, звери, люди несут в себе печать предков. Неумолимое течение реки жизни. Кто-то сходит на берег и остаётся навсегда, оставляя в реке жизни частицу се-

бя. Мы помним, нас будут помнить.

Ноябрь 2006 г.

Погоня

Было это давно. Точный год 1976. После школы, перед армией. В моей родной деревне, маленькой по населению, сплошь состоящей из пенсионеров, и потому размеренной и тихой, летом стали происходить странные случаи, которых никогда прежде не было. Никогда. Хотя, вряд ли можно было бы их назвать странными, тем более какими-то таинственными. Просто эти случаи больше походили на обыкновенное воровство. Летом буквально все жители трапезничают обычно в сарае. У всех разный сарай, но, в общем-то, уютный. Можно там и ночевать. Ну, так в чём же состояло это воровство?

Бывало, утром заходят хозяева в сарай позавтракать и ничего не находят. И не только. Видны невооружённым глазом следы присутствия ночного посетителя, то есть вора. Был у него фонарь или нет, но видимо искал он, не зная самой обстановки не такого уж большого сарая. Разбросанные вещи сами говорили за себя. Деревня пенсионеров всполошилась. Что? Как? И пошли разговоры. Конечно, находились мастера кое-что и добавить от себя, как говорится для выразительности.

Отныне каждое утро начиналось только с этих новостей. У кого, да что. Нет, не пошли жители, в основном пенсионного возраста, жаловаться в милицию. Это сейчас готовы бежать в милицию по пустякам. Да и участковый один на весь совхоз, да при том, очень большой, состоящий из двух больших сёл и нескольких деревень. И жил этот участковый в первом отделении, так сказать, в центральной усадьбе. Надо ехать туда. Но не в этом дело. У многих, если не у всех, даже такого в голове не было. Считаю, чуть ли не все пережили войну, и даже воевали в ней, в общем, ветераны войны и труженики тыла. Они просто обратились к нам, к своим внукам. А мы, внуки основного населения, жили со своими родителями в городе, который находится не так уж далеко, или в райцентре. Потому мы приезжали в родную деревню только на каникулы. А летом на всё лето.

Так вот, они, наши дедушки и бабушки, обратились к нам, на что мы откликнулись с большим энтузиазмом. А как же иначе. Мы все собрались сразу, своего рода, на военный совет. Решили сразу определиться с вооружением. В деревне только у моей бабушки на стене висело охотничье ружьё шестнадцатого калибра. Мой дядя в прошлом был заядлым охотником, но вот уже несколько дней он не охотился. Бабушку уговорить было легко. И мы теперь с этим ружьём выходили на охоту, на человека.

На очередном собрании я торжественно передал ружьё свежнему дембелю пограничных войск. Как-никак, а всё-та-

ки два года он держал в руках АКМ. Опыт самый наибольший среди всех нас. Все остальные решили довольствоваться весьма и весьма серьёзным оружием ближнего боя, которым пользовались наши далёкие предки, когда человечество ещё делилось на племена. Дубинка! А вернее длинный кол. При ударе можно сразу нанести серьёзную травму, а при нескольких ударах и вообще.

По ночам началось патрулирование. Азарта было, хоть отбавляй. Все понимали серьёзность возложенной на нас задачи. Мы обеспечивали спокойный сон старикам. Они и не думали обращаться в милицию, и верили в нас, в своих внуков. И, конечно, мы ловили вора, ночного вора, таинственного вора. Бывало, что каждый силуэт принимали за него. Но при приближении это оказывалось неодушевлённым предметом в виде пня, засохшего кустарника и прочее. Всем нам казалось, что он незримо присутствует в деревне, что следит за каждым нашим шагом. Притаившийся в темноте, чёрной темноте, в тишине тихой ночи. И взгляд его зловеще смотрит нам в спину, и провожает в раздумье своём. Кто ты?

И мы не ошиблись. Как ни патрулировали мы, но один сарай был обчищен. Ну, конечно, мы ходили по деревне, как и положено, полными хозяевами. Передвижение наше легко читалось. И тогда наш дембель, бывший пограничник, тут же вспомнил всю свою службу. Теперь мы притаились, но в таком месте, где просматривалась вся наша небольшая деревня. Привыкшие к темноте, глаза зорко осматривали каждый

уголок.

Так прошла неделя, другая. Мы понимали уже, что вор подметил наш новый манёвр. Кажется, незримый враг, а он и был врагом для всех нас, успокоился. Днём я ездил в город, на вступительные экзамены в вуз, но голова, что ни странно, была больше занята ночным патрулированием, чем форсированием знаний к экзамену. Тогда я не прошёл по конкурсу. Осенью того года ушёл в армию. Но это было потом.

Некоторые старики стали довольно потирать руки. Мы удостаивались их похвалы, что нас, конечно, очень радовало. Хотя, и старики, и мы понимали, что, может, и не всё кончилось этим. А может быть, он, этот ночной пришелец, выбрал другую деревню? Мы навели справку. Но ничего такого. В других деревнях как было спокойно, так и осталось. А может, он покинул наши края?

Но не тут-то было. Когда, казалось, успокоение нашло на всех, ещё один сарай подвергся такой же участи. Злость резко возросла в нас. Мы опять поменяли тактику. Мы рассредоточились по всей деревне. Так мы сосредоточенно ждали ночного, не званного гостя. Ночи проходили за ночами. Но всё тщетно. Каждый из нас ощущал на себе его присутствие. Конечно, тогда мобильников, ныне привычных каждому, и помимо не было, а потому каждый из нас держал наготове фонарь с кнопкой, чтобы при случае подать нужный сигнал.

Тишина и спокойствие. Кажущаяся или настоящая. Ответа не было. Ночи проходили за ночами. Мы продолжали пат-

рулирование, засады. Азарт наш заметно поубавился. И, скорее, мы делали это теперь по инерции что-ли. Месяц спокойствия. Лето подходило к концу. И вот в середине августа мы решили в последний раз провести ночное патрулирование, а вернее ночную засаду.

В ночную засаду в последние ночи я стал тайком от всех брать с собой маленький транзистор. Включал его очень тихо. Ловил волну "Маяк", единственный тогда музыкальный канал, прикладывал к уху и старался в то же время пристально оглядывать вверенный мне участок. Так намного интереснее проходила моя ночная засада. Вот запел певец, заодно и композитор своих песен, песни которого готов был слушать и слушать. Я очутился в великолепном мире очаровательных звуков, во власти замечательного голоса. Как приятен этот волшебный мир музыки! Он увлекал, я находился в другом мире, в другой действительности. Но вот что-то не вписалось в это стройное пение приятного голоса, саму мелодию чарующей музыки. Но что? Мне стал понятен смысл этого звука.

Это был звук не из транзистора, а вот здесь и где-то рядом. Треск. Треск сухого сучка. Сначала охватила меня дрожь. Сердце совершило резкий скачок вверх в состояние тревожности и зачастило. Всё окружающее вокруг, в этой крошечной темноте, стало вовлекаться в особенное пространство невероятной, переливающейся волны. То был мгновенный отголосок внезапного волнения, так отразившийся в моём мозгу, встревоженном, воспалённом от обострённых чувств,

продиктованной вот этой реальностью настоящего мига. А миг этот был сжат в комок оголённых нервов и всей концентрации именно от звука, от этого звука, не вписавшегося в стройные звуки музыки. Он был угрожающим, потому как снизошёл он внезапностью своей здесь, в мире реальном, существующем. Но каким он оказался неожиданным по невероятности своей! И как переменялся мир!

Я пристально всмотрелся в сторону этого звука, раздавшегося тихо, но страшно в эту ночь. Окружающее приобретало совсем иную реальность, пугающую и веселящую, исторгающую в азарт одновременно. Ночная тень скользнула в свете блеклой луны. Скользнула и притаилась. Но я уже вглядывался в это место. Сколько до до него? Примерно, метров тридцать. Два небольших кустика. Я аккуратно и тихо выключил транзистор и был весь внимание. Он там, за ними, этими небольшими кустиками, за которыми не скроешься днём, но зато ночью они – прекрасное укрытие. Это точно. Он там. Наш враг, мой враг. Ночной пришелец.

Так прошло несколько минут, показавшихся целой вечностью. Зловещая тишина. Взгляд мой окаменел в этой пристальности на одну точку. Но вот эти кустики слегка зашевелились. Оттуда выскользнула лёгкая чёрная тень и беззвучно прыгнула за большой валун. Вокруг этого валуна ничего. Голая поверхность. Казалось, сама судьба, наконец-то, приготовила нам этот долгожданный подарок. Это уж точно.

Я подал фонариком нужный сигнал, который до этого ни-

кто так и не применял, потому что и не было повода. Меня поняли все. Ко мне стали подтягиваться лёгкие тени. Собрались все. Шёпот их губ выдавал только одно: "Где он?" Я, молча, указал на то место, на тот чёрный в ночи валун. Бывший пограничник держал наготове заряженное ружьё. Ему приходилось когда-то стрелять в человека. Ещё время выживания. Кажется, взбудораженность, эмоция нетерпения, выльются через край. Но мы старались сдерживать себя. Ещё немного, ещё. А теперь пора. Мы, молча, зловещей цепью, двинулись к валуну.

Во всех нас была заряженность, волнение. Ещё бы. Тихие тени упругим шагом заскользили вперёд. Вот и валун.

Резкости такого движения нужно было позавидовать. Чёрная тень взметнулась вверх, в сторону. Она бросилась наутёк. "Стой, стрелять буду." – огласил, прорезал тишину громкий окрик свежего дембеля. От этого могли бы, наверное, подкоситься ноги у любого нарушителя, так подумал я, да и, наверное, каждый из нас. У ночного пришельца ноги не подкосились. Наоборот, он развил такую лихую стартовую скорость, что сродни были проблеску молнии, да и только. От такой резвости все пришли в ярость. Громкие крики, может, разбудили всю деревню. Где-то заголосил петух, намного раньше положенного времени.

Он, чёрный силуэт ночи, побежал через поле. Мы бросились за ним. Однако, бег его был стремителен и разрыв увеличивался. Многие из нас были не очень-то в ладах с лёг-

кой атлетикой, можно сказать, все, кроме меня. Я занимался тогда лыжными гонками, и на счёт выносливости, функциональной подготовки со мной было в порядке. Даже наш свежий дембель, бывший пограничник, стал отставать. Между мной и неизвестным убегающим поддерживалась постоянная дистанция.

Многие стали переходить на шаг, позднее и дембель также подключился к ним. Бег продолжал один я, держа всё время в поле зрения убегающего. Тот продолжал свой спасительный бег в том же темпе. "Видать, он тоже чем-то занимается", – промелькнула такая мысль. Хотя, что могло быть общего со спортом и этим ночным вором? Может, просто природная выносливость. "Ну, уж я тебя загоню, точно загоню", – последовала следующая мысль. Не выпуская из рук длинный кол, я так же взял один темп, соизмеримый с его темпом. Так, с одним и тем же разрывом, мы продолжили этот бег через поле, через канавы, через попадавшиеся камни, через другие не столь значительные препятствия. Получился такой природный стипль-чез.

Наши откатывались всё дальше и дальше по этой ночной дистанции. А он, этот убегающий, всё так же мелькал передо мной чёрным силуэтом движения, не думая переходить на шаг. Бежал он, казалось, легко. Даже бесшумно, что наводило на мысль, что он всё-таки дружен с бегом. Да, от страха не так побежишь. В данном случае у него был стимул, огромный стимул – унести ноги. А что двигало мной? Чув-

ство ярости? Чувство восстановления справедливости? Наверное, всё было так. И азарт тоже.

Вот и гора, с длинным пологим склоном. Много раз на тренировках я бегал в гору. И вот здесь, вверх до тёмной, чёрной вершины горы, я беру положенный темп. Похоже, и он следует моему примеру. Разрыв между нами всё такой же. На миг я оглянулся. В лунном свете уже не различал контуры своих. Но вот его видел ясно. Чёрный силуэт. Вот и этот длинный пологий склон, такой тягун, подходил к концу. Впереди совсем уж крутой склон, довершающий эту дистанцию. Чёрная тень убегающего взметнулась вверх и исчезла на время из виду. Такой же рывок совершил и я.

Он стоял спиной ко мне, когда я рывком оказался на вершине. Внезапная картина, как перемена, полная перемена стихии, самого ветра бушующих эмоций. Лишь тихая заводь. Лишь тихий шелест. Сколько же было до него? Порядка десяти, пятнадцати метров.

Чёрный силуэт ночи. Вкопанный, будто и стоял здесь вечность в бледном свете луны. И ждал. От неожиданности в первый миг я оторопел. Остановился. Но, всё же, страх не посетил меня. Не раз мне приходилось быть участником уличных драк. Опыт и дух бойца держал я в своём багаже. И та же ярость продолжала клокотать в душе. "Ты кто такой!?" – крикнул я. В ответ тишина. Он всё так же продолжал стоять спиной ко мне. Наступила пауза молчания.

Дул лёгкий ветер. Луна то выглядывала из-за небольших

чёрных облаков, озаряя тусклым светом, то ныряла обратно, свергая всё в темноту. Сколько продлилось это? А мы продолжали стоять. Он ко мне спиной в десяти, пятнадцати метрах и я, сжимающий свою дубинку, такой длинный кол, наизготовку. "А может, он вооружён?" – проблеск такой мысли осенил меня. Иначе, он не стоял бы так спокойно и даже дерзко. В этом не было сомнения. Если так, то...

Невольно похолодело внутри меня. "Неужели я струсил?" – мысль эта сменила прежнюю. "Нет уж, ты всем нам делал плохо", – старался приободрить себя. Осознание справедливости со своей стороны как-то укрепило дух. Я сильнее сжал дубинку. И снова ярость заклокотала в душе. "Буду драться, кто бы он не был, а там и наши подоспеют", – решился я на такой шаг, обдуманый ли. "Повернись ко мне!" – приказным тоном крикнул я.

Проходило время, в этой, казалось, застывшей реальности, в такой тихой заводи времён. Он и не поворачивался ко мне навстречу, всё так же продолжал стоять спиной ко мне. Он игнорировал настоящий миг. Вот так и продолжалась немая сцена. Я так же пристально вглядывался в него. Был он среднего роста, как и я. Куртка с капюшоном, таким шатром укрывавшим голову. Немного сгорбился, будто под грузом чего-то. Он с самого начала, кажется, только и смотрел вниз. Почему? И всё. Больше нечего сказать. А что можно сказать о незнакомце, стоящем спиной в ночной темноте. Я понимал, что подмога не за горами. Вернее, где-то там,

позади, внизу этой горы. Снова стал обретать былую уверенность.

– Повернись! – опять крикнул всё тем же тоном, ещё крепче сжимая дубинку.

Сначала всё так, как и было. И вот, наконец... Он обернулся вполоборота. Приподнял голову, немного повернул лицо и тут же отвернул. Сверкнули странным блеском глаза в бледном свете луны. Кто он? Человек?

"Вот оно – время. Оно течёт и течёт. Кто-то рождается, кто-то умирает. Вот и я родился в своё время, в начале второй половины двадцатого века, как и множество людей на планете. Жизнь – дистанция между рождением и смертью. Какой взять старт с рождения, с детских лет, молодых лет? А каким будет финиш там, далеко, далеко, на склоне лет? Вот и я стою сейчас, в эти минуты своего пути, оставив прошлое безвозвратно за спиной, вот здесь, упираясь в будущее, на вершине вот этой маленькой горы. Будущее за завесой нескольких минут, нескольких часов, дней, недель, месяцев. А каково оно за завесой многих лет? Лишь только начало дистанции. Всё так, как у всех. Позади школа. Через два месяца буду в армии. Впереди полная неизвестность будущего. Что там за горизонтом? А дальше? Что после армии? Что за виражом? Поступать в институт? После армии льготы. Всё по плану. По плану ли? Сначала отслужить. Если позволит дистанция, отслужу, поступлю, отучусь. А дальше? На работу по специальности? И покатится дальше время по ди-

станции, как мяч, пущенный с горы, чтобы где-то там остановиться. Во многих случаях не предусмотрена по этой дистанции прямая колея, не предусмотрена. Нет, нет, да и случится вираж. Всё относительно в жизни этой. Кто-то начинает её, стартует по дистанции в полном благополучии материального и духовного, в полной гармонии с действительностью, продолжает быть таковым и в середине пути, но финиширует в полном отсутствии всего нажитого, одиноким покинутым стариком. Возможно, в жизни этой пребывание в богатстве и сопутствующем почёте, пребывание на вершине, но и возможен спуск оттуда, а то и падение, стремительное, как брошенный камень, или медленное, как режущий полёт парашюта вниз, на дно, на самое дно. И одиночество на финише. А кто-то начинает его в бедности материальном, но не в духовном. Постепенно идёт вверх. Он финиширует в богатстве материальном и духовном. И дети, и внуки вокруг. Но кто начал свой путь, свою дистанцию не в полном благополучии духовного порядка, тот вряд ли войдёт в гармонию с таким состоянием как жизнь. Так каков же будет мой путь? Как пройду я его? Какие предстоят виражи? Останусь ли доволен, и буду ли рад я этой дистанцией там, на финише?"

Луна то высвечивала эту поляну на вершине не высокой горы у опушки леса, и тогда окружающее принимало более отчётливые очертания, то исчезала за облаками, ввергая всё в темноту. Он стоял не то что спиной, но вполоборота и смотрел куда-то вперёд. Я не был под гипнозом. Я не приходил в

себя, ибо никуда и не уходил от себя. Рассудок мой не изменялся, оставаясь самим собой. Ощущение реальности было ясным. Вот только длинный кол я не держал наизготовку, и потому концом он упёрся об землю. Но откуда это всё? А он стоял вполоборота и смотрел куда-то вперёд. Голова его была прикрыта капюшоном. И лишь редкий свет луны высвечивал его чёрный силуэт. Кто ты?

Возбуждённые возгласы доносились оттуда, из под горы. Они приближались. Ночной пришелец повернулся спиной и направился в сторону леса. Спустя минуту он исчез в темноте деревьев. А ещё через минуту ко мне подходили наши ребята.

– Не догнал?

– Вот он бежит-то. Подготовка не хуже твоей.

– Учти. Его-то гнал страх. Ты от страха не так побежал бы.

– Да, жалко. Не поймали.

– В следующий раз ты стреляй по ногам. Ты же в армии стрелял.

– Так это было в армии.

– Было, так было.

– А что теперь делать-то. Пошли домой.

Мы продолжили тогда наши ночные засады. Но ходил я на всё это уже без никакого энтузиазма, в отличие от остальных. Я знал, что никого больше не будет, но не говорил. Ребята же предвкушали такие же ощущения от этой нестандартной охоты, как и в ту ночь. А он не появлялся, его не было фи-

зически, да и духовно тоже. Тогда все думали, все говорили, что он испугался. Один лишь я так не думал, так не говорил. Он больше не придёт. Никогда. Может, говорила это интуиция? Но было у меня такое ощущение, которое так и не проходило, и не проходит до сих пор, что он и приходил-то не для этого, совсем не для этого. Для чего? Может, знак? Так и осталось это на том отрезке дистанции, на той вершине не высокой горы, за завесой прошлых лет, как лик его за чёрным капюшоном. Лишь миг в свете бледной луны.

Заканчивалось лето. А его так и не было. Никогда. Мы сняли засаду. Со временем стало забываться. Но я помню всегда. Что же было тогда? Что? Так и осталось это за завесой прошлого, такой завесой тайны. Прошло с тех пор много, много лет. То лето как воспоминание, как память.

Июнь 2008 г.

Рассказ у ночного костра

В конце августа в тайге Восточной Сибири, в тайге Бурятии по утрам всегда прохладно. По вечерам так же и, конечно, ночью. Но вот днём жарко, как бывает всегда в течение всего лета. Вот так было в полдень. Пот прошибал не только от палящих лучей солнца, но и от тяжёлого труда. Эта работа была действительно связана с большими физическими затратами. Мы от кедра к кедру перетаскивали тяжеленный

колот. Нас было трое, подрядившихся на эту работу. Выбирали на это крепких, физически сильных ребят. Остальные четверо были налегке. Мы же трое и били колотом по кедр.

Кедр в Сибири, а по-научному – сибирская сосна, растёт в основном на вершинах сопок. Шишки по двадцать, тридцать штук, а иногда и намного более, если год очень урожайный, роем падали сверху, порой сшибая по голове кого-нибудь, слишком уж зазевавшегося. А так картина эта великолепная, когда задрав голову, смотришь на эти летящие вниз, на тебя, чёрные точки, всё больше и больше увеличивающиеся по мере приближения. И вот тогда уклоняйся, успевай. А потом они начинают с глухим звоном, с разгону шлёпаться об землю. И начинается поиск этих бесценных даров природы. Находить их, в общем-то, легко, будь хоть камни, сухие сушня, высокая трава. Занятие интересное, увлекательное. Но я этим нынче не занимался, так как мы, трое, только и били колотом. Это приятное занятие доставалось остальным четверым, как говорится, собирателям шишек. Почему я не занимался этим? Да потому, что меня, городского парня, (все остальные были деревенскими, точнее сельскими), занимавшегося спортом и потому подготовленного, тренированного, а таковым я действительно и был, сразу приставили к этому тяжеленному колоту, весом чуть ли не с центнер. Мои же напарники в физическом плане ничуть не уступали мне. Занимайся они спортом, то многого достигли бы. А приходилось таскать, перетаскивать, а то и волоком, втроем этот громозд-

кий колот иногда и через бурелом, через упавшие деревья. Тогда становилось совсем уж тяжело. Хотя и трое нас. Но что поделаешь. Приходилось с трудом, с большим усилием, и через них. Тогда напряжение физических сил возрастало неимоверно. Колот напоминал деревянный молоток, только в намного увеличенном размере. Конец так называемой рукоятки, если так можно выразиться про бревно, довольно таки приличной массы, досталось мне. Этот колот мы поднимали так, что он упирался концом вот этой громадной рукояти об землю, и все втроем, задав его чуть назад, били, насколько позволяли нам силы, по стволу кедра. Тот раскачивался и от такого содрогания падали шишки. Лазать на кедр было бессмысленно. Ствол внизу обычно из тонких сучьев, что не выдержат и ребёнка. Так вот жара пляющих лучей доносила особенно сильно на вершине довольно таки высокой сопки. И этот тяжеленный колот.

– А он-то один перетаскивает, – обратился с каким-то выражением благоговения, после одного из таких переходов, один из моих напарников к другому.

– А ему-то что. Привычное дело, – согласился с ним другой с тем же выражением.

Как? Я тренируюсь, перевариваю всевозможные нагрузки, но вот эта работа... Да это же сильнейшая тренировка, сильнейшие нагрузки. Час такой работы с лихвой хватит. А мы втроем подрядились на целый день. А после, вечером, ноги уже не держат, лишь бы свалиться в шалаше или у ко-

стра и ничего не делать, лежать просто так. Но один? Да возможно ли такое?

– Как-то не верится, – выразил я своё сомнение.

– Да никто не верит, кто его не знает, – принялись сразу, с каким-то даже рвением, оспаривать они моё сомнение.

– А кто он такой-то? – полюбопытствовал я.

– Да он из соседней деревни, – уточняли они этот, казалось бы, неправдоподобный факт, назвав при этом его имя.

Имя! Вот оно-то и возымело на меня какой-то магический признак доверия ко всему сказанному. Я где-то слышал это имя. Где именно, в каком конкретном месте, не мог припомнить, но в городе это точно. И слышал в тоне уважительном, а может даже и в эмоции восхищения. Но слышал. Когда? Этого тоже не мог припомнить точно. И вот это-то и заставило меня поверить.

– А вы его знаете? – тут же спросил я с той же ноткой любопытства.

– Конечно. С самого детства, – чуть ли не хором, с чувством неприкрытой гордости ответили они.

– А, может, расскажете о нём, – предложил я, всё также сгораемый этим нежданно наступившим любопытством.

– Сейчас некогда. Вечером расскажу, – согласился один из них.

Разговор этот был кратким и вскоре забылся за этой тяжёлой работой. Мы больше не вспоминали его. Незаметно за всеми этими делами наступил и вечер, пора долгожданного

отдыха именно для нас троих. Остальным четверым работа была только в радость.

Начались заботы другого порядка. Кто-то разжигал костёр, кто-то ставил котелок на ужин, а кто-то уже шелушил на станке свежие шишки на орехи. А вот то дневное любопытство уже вновь разгоралось во мне. Но я, всё же, решил дожидаться конца ужина. Плотно поев, мы удобно расположились у костра отдохнуть, поговорить о том, о сём. Тут-то я и решил утолить вот эту наступившую жажду любопытства.

– Помните, днём обещали рассказать, – приступил я к выполнению этого намеченного, что так, всё-таки не давало мне покоя.

– Про что рассказать? – недоуменно спросило большинство, не знавшее нашего дневного разговора.

– А-а про него, – и, назвал имя того, который так заинтересовал меня, один из моих напарников.

Увидеть надо было реакцию всех при упоминании этого имени. Уважение, восхищение и даже, может мне показалось, какое-то фанатическое преклонение, всё вместе взятое выразилось в едином порыве. В отличие от меня они знали его, и притом хорошо. Или же старались показать это мне. Но, во всяком случае, от одних только высказываний, лившихся наперебой, я уже составлял хоть какую-то характеристику совершенно незнакомого мне человека. И она состояла исключительно из положительных черт. А возгласы продолжались:

- А помнишь, на речке...
- Прошлым летом...
- Вот тогда в клубе...
- А на сенокосе...

Потихоньку восторженные возгласы вошли в более умеренное русло, и стали уже не так хором высказываться об объекте вот так вдруг невольно вспыхнувших воспоминаний, созданных по моей инициативе, а вернее моим вопросом. Любой незнакомец мог теперь составить вполне определённое мнение об этом человеке из соседней деревни, такой маленькой, состоящей из, порядка, двадцати дворов. Он был как звезда политики, искусства, спорта или ещё чего-либо. Уж, во всяком случае, местная звезда – это точно. Хотя, мне доводилось слышать это имя и в городе. Так за несколько минут была составлена чуть ли полная характеристика. А потом пошли рассказы, предназначенные, в основном, специально для меня, ибо все рассказы эти для всех остальных были известны.

– А ты расскажи про тот случай, – обратился один из собирателей шишек к одному из моих напарников, упомянув для точности и время, и место этого, может быть исторического по местным меркам, события.

Наступила некоторая тишина, словно предвеля предсто-
ящий рассказ. В том, что мне собираются поведать именно вот эту историю, я не сомневался. Видимо, она была в чём-то интересна. Уж, во всяком случае, для них. Как выяснялось в

ходе этих предисловий, некоторые из них были свидетелями данного события, а один из моих напарников даже прямым участником. Но вот явится ли она для меня интересной, я не знал, не предполагал. Вряд ли. Мне уже начинало надоедать какое-то прославление культа личности местного пошиба что ли. Прежнего интереса уже не чувствовал, клонило ко сну. Всё же из вежливости я, конечно же, согласился на роль эдакого внимательного слушателя. Пусть рассказывает, может, и засну под этот рассказ, хотя нельзя, потому что будет это таким неуважением. Как-то надо терпеть. И я приготовился скорее не к рассказу, а вот к этому преодолению себя. Но почему-то они, местные, зная это событие, стали устраиваться с большей удобностью. Я же прилёг возле костра, внутренне не имея никакого желания слушать очередное прославление местной звезды, хотя внешне старался не подавать виду. А тем временем один из моих напарников неспешно приступил к рассказу, который в основном-то предназначался для меня, а уж потом для остальных:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.